

1589. Десять лет.

Су Сан торопливо ответил: “Его имя Ван Линь”.

Старик в зеленой рубаше произнес с радостью во взгляде: “Поддай мне его экзаменационную работу”.

Су Сан, услышав подобные слова, с легкой улыбкой вынул из-за пазухи бумажный свиток. Он пришел к Учителю именно для того, чтобы показать ему этот свиток, не похожий ни на какие другие.

Вот только оказавшись здесь, Су Дао даже не взглянул на свиток, ровно до этого дня.

Взяв в руки экзаменационную работу Ван Линя, Су Дао оценил ее внимательным взглядом и одобрительно кивнул.

“Этот юноша станет моим последним учеником”. С улыбкой Су Дао еще раз посмотрел вслед удаляющейся разукрашенной лодочке, в лунном свете ивовый пух парил между лодкой и его взглядом, казалось, целую вечность. Нельзя было разглядеть, смотрит ли он на пух, или же на лодку. Развернувшись, он пошел прочь.

Время движется быстро, словно челнок ткацкого станка, уплывая навсегда. Захочешь догнать его, но не отыщешь следов.

Спустя несколько дней Ван Линь вместе с Да Фу сошел с лодки на берег, стоял там и смотрел, как лодка, на которой они плыли больше месяца, уплывает прочь, как утекает речная вода, унося его ожидания. Он молчал очень, очень долго.

Прошел целый час, прежде чем Ван Линь покачал головой, развернулся и уже собирался уйти, когда с небес раздался едва слышный крик. Ван Линь содрогнулся всем телом и резко вскинул голову к небесам.

Он увидел там знакомую птицу, она кружилась над ним, медленно снижаясь, пока не опустилась на каменный мост вдалеке. Переглянувшись с Ван Линем, птица вновь поднялась на крыло и скрылась в толще облаков, ее белая тень мелькнула словно ивовый пух.

Ван Линь пробормотал: “Это ты?...”

Ван Линь не принял участия в экзамене на степень избранника Су, однако в тот день, когда он покинул лодку, его пригласили к великому ученому города Су, в резиденцию самого Су Дао. Его туда сопровождал лично главный управляющий города, старый чиновник.

Резиденция Су Дао оказалась небольшой, но обстановка внутри была весьма изысканной, среди безмолвия пряталась безмятежность, которая приносила покой людским сердцам. Во

внутреннем дворе резиденции Ван Линь и встретился с тем старцем, который ранее задавал ему вопросы на мосту.

Да Фу остался за пределами двора, а Ван Линь и Су Дао, старик и юноша, расположившись в открытой беседке внутри двора, стали распивать душистое цветочное вино и вести неспешный разговор посреди тишины.

Только когда высоко в небе взошла луна, Ван Линь отвесил Су Дао поклон.

”У меня за всю жизнь было множество приверженцев, но истинных учеников было только трое. С сегодняшнего дня ты станешь моим последним учеником, я не стану заставлять тебя проходить через все экзаменационные испытания, как того требуют правила, да и твой характер не подходит для этого... Я желаю, чтобы ты стал великим ученым страны Чжао после моего ухода!

И даже не только страны Чжао. Я хочу сделать тебя великим ученым всей планеты Сузаку, где стран превеликое множество! Такая жизнь не подразумевает ни богатство, ни славу и почет, не подразумевает она и власть, восходящую к Небесам. Вместо этого тебе представится шанс осознать всю истину этого мира, обрести идеологию, которая будет принадлежать лишь тебе одному!

На этой земле я, как и многие другие, являюсь простым смертным. Разумеется, кроме нас есть и бессмертные культиваторы, за всю жизнь ко мне наведывались лишь несколько таких людей. Они предлагали мне присоединиться к ним в поисках Дао, но в конце концов все получили отказ.

Я с улыбкой смотрю в небеса, ведь в моем сердце есть мой собственный мир, и я ищу вовсе не Дао, а идею Неба и Земли, я познал все истины этого мира, и хотя нахожусь в хрупком теле, все же моя идеология останется в веках, с ее помощью я могу вырваться из клетки мироздания. И пусть даже все эти бессмертные могут одним движением руки уничтожить такого как я, все же даже им приходится склонять свои благородные головы передо мной, великим ученым!

Если говорить о культивации противостояния Небесам, то разве мы, ученые, познав всю истину мироздания, не можем ступить по земле наперекор судьбе?

Если у мироздания есть Дух, то в его глазах даже культиваторы такие же, как и все мы, для него мы все простые смертные! Они смертны, мы тоже смертны, разница лишь в том, что они обладают силой, способной сдвинуть горы, но у нас есть идея познания мироздания, и все это в конечном итоге переплетается друг с другом.

Твой Учитель за всю жизнь принимал в ученики немало культиваторов, все они приходили ко мне, чтобы найти свой домен, достичь предела мысли, подобного божеству, а затем и более глубокого познания - кто есть владеющий Дао?

Такая жизнь может считаться обыкновенной, и при этом необычной. Ван Линь, готов ли ты избрать такой путь?” Сейчас Су Дао в свете луны выглядел простым смертным старцем, но Ван Линь ясно ощутил исходящую от него ауру невыразимого величия.

Эта аура словно с высока взирала на весь мир, после осознания истины в ней зародилась собственная идеология, и именно присутствие этой идеологии позволяло Су Дао стоять на пике могущества.

Идеология была пламенем, которое горело у Су Дао внутри и было способно потрясти Небо и Землю.

«Ученый, великий ученый, а в конце концов – наставник императора» - Су Дао завел руки за спину и внимательно посмотрел на Ван Линя.

Тот молчал, и лишь спустя долгое время снова поклонился Су Дао.

В тот год, когда этим поклоном Ван Линь признал его Учителем, Ван Линю исполнилось девятнадцать, а Су Дао уже достиг восьмидесятитрехлетнего возраста.

Су Дао рассмеялся и потянул Ван Линя за руку, чтобы тот поднялся. Их разговор в беседке разносился эхом на все стороны света.

«Я вступил на пост чиновника, будучи совсем юным. В зрелом возрасте я отошел от государственных дел и вернулся на родину, объехал всю страну Чжао, а также множество других стран на этом материке, повидал множество различных пейзажей, видел множество людей с разными жизненными путями, а потом, когда в год моего пятидесятилетия умерла моя жена, на ее могиле я, погружившийся в скорбь, познал мироздание, осознал человеческую жизнь, а также вспомнил каждый момент со времени нашей с ней встречи, когда мы были еще молоды.

С тех пор моей идеологией стала карма.

Что есть карма, и почему в мире существует ее круговорот...»

Прошла целая ночь, и жизнь Ван Линя за эту ночь переменилась, у него уже не было мысли пройти через экзамены и стать чиновником, теперь он пребывал в молчании и искал жизнь, которую хотел бы иметь. Теперь он хотел, кроме счастливой старости для своих родителей, постичь мироздание, найти тот голос, что звучит у него в голове.

”Что есть карма... Что есть жизнь и смерть... Что есть истина и ложь...”

Они с Да Фу поселились в резиденции Су Дао, каждый день Ван Линь слушал его наставления, и постепенно от него также начала исходить аура великого ученого, которая с каждым днем

становилась все сильнее.

После тех экзаменов, в которых он принял участие, несколько десятков ученых стали избранниками Су, в итоге были приглашены в столицу. Кто-то из них взлетел к вершинам, кто-то отправился домой, но Ван Линь, глядя на все это, не испытывал никаких чувств.

Чиновником он не стал, но его слава поднялась над страной Чжао с той же силой, даже затмив собой тех немногих, кто стал избранниками Су и вознесся до поста чиновника. Будучи учеником Су Дао, с течением времени, с ходом лет, Ван Линь так и не покинул город Су, но когда кто-то приходил, чтобы повидаться с Су Дао, каждый раз вместо него на встречу с гостем выходил Ван Линь.

И простых смертных учеников, и людей из знатного или даже императорского рода, даже культиваторов за несколько лет Ван Линь повидал немало. Он становился все спокойнее, все беззаботнее, и все более любил выпить вина.

В мгновение ока несколько весен и осеней сменили друг друга, и в год, когда ивовый пух вновь украсил летящими хлопьями цветущий город, Ван Линь вступил в зрелый возраст. Он стоял в том же дворе, где десять лет назад Су Дао принял его в ученики, и смотрел, как падает ивовый пух, застилая зеленые камни.

Су Дао год за годом старел, время многое отняло у него, но при этом многое и подарило. Сейчас он уже не мог также как прежде посидеть с Ван Линем за вином и беседой, лишь сидел на деревянном кресле, которое покачивали двое слуг, и вместе с Ван Линем смотреть на падающий пух.

Ван Линь со спокойным выражением отпустил двоих слуг и сам стал покачивать кресло Су Дао.

"Лин`ер, взгляни на этот пух, каждый год он появляется снова, и даже когда я уйду, он будет также появляться в этот сезон, следуя своему древнему уговору с мирозданием". Голос Су Дао был хриплым, но дух все еще не помутился. Он поднял правую руку, комок пуха опустился ему на ладонь и неподвижно замер.

Ван Линь тихо произнес: "Этот пух - олицетворение человеческой жизни".

"Жизнь - это ведь тоже ничто иное, как карма, она проплывает мимо тебя, но когда ты пытаешься схватить ее, все же никак не можешь этого сделать. Только когда она сама устанет, тогда и опустится на твою ладонь". Медленно произнес Су Дао, глядя на ивовый пух у себя в руке.

Возможно, когда он произносил это, из его рта вырвался поток воздуха, который и подхватил тот комок пуха и унес прочь, все дальше и дальше.

"Карма, карма. Ван Линь, если когда-нибудь ты сможешь среди сплошного потока ивовых пушинок отыскать свою собственную, тогда ты и познаешь, что есть карма". Су Дао с улыбкой указал на небо.

”Вот тот комок пуха и был моим!”

Ван Линь поднял взгляд следом за рукой Су Дао, но пуха в небе было, словно снега, так много, что он уже не смог различить, куда указывал старик.

”Ты не увидишь, потому что та пушинка - это моя жизнь...” Су Дао закрыл глаза, из них заструились дорожки слез.

”Это были две пушинки, слепленные вместе от ветра. Моя жизнь, и ее...” В голове Су Дао небеса растворились, остались только слепленные вместе пушинки, которые уплывали все дальше и дальше, покачиваясь на ветру.

”В том году, когда в воздухе танцевал ивовый пух, я встретился с тобой. Я стоял на мосту и смотрел на тебя, твой взгляд был растерянным. И я думал, что ты - пушинка, не привязанная ни к чему, беспомощная, растерянная, словно тебя мучил вопрос, на который ты не мог найти ответа.

Я смотрел на тебя, смотрел на пух, парящий перед тобой, и один из комков этого пуха был твоей жизнью. Он покружился вокруг тебя, но ты его не увидел, поэтому он подлетел ко мне.

Я смотрел на пух, но ты наверняка решил, что я смотрел на тебя... И тот вопрос, что я задал, был адресован пушинке, но ты наверняка решил, что я спросил тебя...

Тогда я подумал, что помогу тебе”. Су Дао, сидя в кресле, развернулся и с добротой во взгляде посмотрел на Ван Линя.

Ван Линь содрогнулся.

”Ты - последняя карма в моей жизни. Мне все время казалось, что я как будто где-то уже встречал тебя”. Су Дао вновь отвернулся и посмотрел в небо.

”Год за годом, когда приходит этот сезон, люди смотрят на город, полный ивового пуха, но только они не понимают, не знают, что каждая пушинка летит сюда, чтобы отыскать связанного с ней человека, потому что каждая из них - это и есть человеческая жизни...

Но в конце концов они падают на воду, падают в пыль, исчезают у нас на глазах... Дело не в том, что они не нашли нас, а в том, что мы не нашли те из них, которые принадлежат нам”.

Ван Линь молча поднял взгляд и взглянул на танцующие пушинки, такие же, как и десять лет назад.

Постепенно он, кажется, увидел комок слепившихся вместе пушинок, их было две, и они, словно поддерживая друг друга, все время медленно кружились посреди бескрайнего моря других пушинок, спокойно парили на ветру вместе, словно даже самый сильный ветер не

сможет разделить их, намертво прицепившихся друг к другу.

В его голове раздался неизвестно откуда взявшийся звук мелодии, в которой звучала потеря и разочарование, словно какая-то женщина проводила время в ожидании, и только мелодия скрашивала ее одиночество.

<http://tl.rulate.ru/book/22/416856>